

Публикации аспирантов

УДК 070(091)(470) “1856-1857”

Гаврилова А.Е.

Московский государственный областной университет

СПОРЫ О НАРОДНОСТИ НА СТРАНИЦАХ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ» И «РУССКОГО ВЕСТНИКА» (1856-1857 ГГ.)

A. Gavrilova

Moscow State Regional University

THE DEBATE ABOUT THE NATION ON PAGES OF “THE RUSSIAN COLLOQUY” AND “THE RUSSIAN MESSENGER” MAGAZINES (1856-1857S)

Аннотация. Статья посвящена одной из главных журнальных дискуссий 1850-х годов – полемике о народности, в которой главную роль играли московские журналы «Русская беседа» и «Русский вестник». Целью статьи стало выяснение вопроса о том, в какой мере полемика отражала давний спор западников и славянофилов и насколько близок был журналу М.Н. Каткова славянофильский дух «Русской беседы». Анализ статей оппонентов выявил разность в подходах к понятию народности между западниками и славянофилами, но и обнаружил много общего в позициях журналов по вопросам национального самоопределения, подтвердил дружественное отношение М.Н. Каткова к сотрудникам славянофильского издания.

Ключевые слова: народность; журнальные дискуссии; славянофилы; западники; «Русская беседа»; «Русский вестник».

Abstract. The article is devoted to one of the main magazine discussions of 1850s, i.e. the polemics about the national spirit, the principal participants of which were Moscow magazines “The Russian Colloquy” and “The Russian Messenger”. The purpose of the article is to define to what extent the polemics reflected a long-standing discussion between the Westernizers and the Slavophiles as well as to find out to what extent M. Katkov’s magazine was allied to “The Russian Colloquy” with its Slavophile spirit. It was shown in the analysis of the opponents’ articles that the approaches to the national spirit notion differed between the Westernizers and the Slavophiles. The analysis also revealed that the attitudes of the magazines to the national self-determination had much in common, as well as it confirmed the friendship between M. Katkov and the Slavophile magazine staff.

Key words: national spirit, magazine discussions, the Slavophiles; the Westernizers; “The Russian Colloquy”, “The Russian Messenger”.

Вторая половина 1850-х годов в России была отмечена расцветом журналистской деятельности. В ряду периодических изданий этого времени видное место занимали два московских журнала – «Русский вестник» и «Русская беседа», первые номера которых вышли в 1856 году.

© Гаврилова А.Е., 2013.

«Русская беседа» изначально была признана главным органом славянофильской печати, а «Русский вестник» позиционировался как издание умеренно-либерального характера. Поначалу в журнале М.Н. Каткова представители славянофильского направления и близкие к нему авторы печатали свои произведения. С разрешением издавать «Русскую беседу» славянофилы получили официальную трибуну для выступлений. Подчёркнутая славянофильская ориентация издания стала противоположностью либеральному характеру «Русского вестника», на страницах которого шло обсуждение заявленных «Русской беседой» вопросов. В основе полемики, которая развернулась в журналах после выхода первой книжки «Русской беседы», лежал давний спор западников и славянофилов. Выявление позиции «Русского вестника» в дискуссии связано с ролью М.Н. Каткова, личность которого в настоящее время вызывает интерес исследователей. Выходят в свет ранее неизвестные труды публициста, переосмыслению подвергается его вклад в историю общественной и литературной жизни России [9; 12; 13]. Что касается полемики между «Русским вестником» и «Русской беседой», главным в этом вопросе является отношение журналов к понятию народности, которое было выдвинуто на первый план событиями того времени.

В № 27 газеты «Московские ведомости» за 1856 год было опубликовано объявление о выходе славянофильского журнала [14, с. 255-257]. В этой небольшой заметке были сформулированы основные принципы редакции. Так, цель «Русской беседы» заключалась в пропаганде русской народности, в изучении русской жизни в её историческом развитии, в утверждении национального воззрения на все области науки и искусства. Вопрос о народном воззрении, заявленный редакцией «Русской беседы», стал побуждающим началом к выяснению сути давнего спора западников и славянофилов, в основе которого лежало понятие народности. Статья Ю.Ф. Самарина «Два слова о народно-

сти в науке» [15] и статья К.С. Аксакова «О русском воззрении» [2], опубликованные в первой книжке «Русской беседы» за 1856 год, положили начало обсуждениям проблемы национального взгляда и его выражения в той или иной области.

К.С. Аксаков в своей работе пытался прояснить суть возникших разногласий в понимании народности. Он говорил, что славянофилы ратуют за народное, так как оно является частью общечеловеческого. Только истинно народное произведение входит в сокровищницу мирового культурного наследия. Русское воззрение – это не замкнутость в своей национальной культуре, а национальное самосознание, с помощью которого только и возможно внести вклад в дело общее. Таким образом, славянофилы стоят за общечеловеческое, которое достижимо через национальное, в то время как западники выделяют национальное начало Запада как общечеловеческое. Мысль о внесении вклада в общечеловеческое через национальное проводилась и в статье Ю.Ф. Самарина. По его мнению, национальный дух влияет на склонность личности к открытиям, которые обусловлены её национальной природой: «<...> именно народность мысли, определяя как бы специальное её назначение в области науки, наводит её на пути к открытиям, постепенно раздвигающим пределы общечеловеческого знания» [15, с. 43]. Твёрдое воззрение на предмет исключит подражательность, следование чужой мысли.

Статьи славянофилов в «Русской беседе» незамедлительно получали отклик на страницах «Русского вестника», где их оппоненты в лице М.Н. Каткова и Б.Н. Чичерина пытались опровергнуть славянофильские идеологические построения. Так, в ответной статье Ю.Ф. Самарину под названием «О народности в науке» Б.Н. Чичерин назвал народное воззрение абсолютно субъективным понятием и выразил мнение, что «для уразумения исторических явлений <...> нужна только живая любовь к предмету да развитие познавательных способностей» [19, с. 62].

При этом критик согласился с утверждением, что каждый народ лучше знает свой национальный быт и дорожит, прежде всего, своей историей. Но это, по Б.Н. Чичерину, не есть народное воззрение. Русскую историю нужно изучать, опираясь только на факты. Народность для Чичерина – символ односторонности и пристрастности к себе. Эту мысль можно расценить как крамольную, если обратиться к тому, что вкладывали славянофилы в понятие народности. Народность – это, прежде всего, русская духовность, соединение веры и нравственности, русский дух, которым проникнуты все страницы нашей истории. Сколько бы славянофилы ни говорили об этом, противники упорно выдвигали на первый план их якобы националистические убеждения. История не может быть набором фактов: причинно-следственные связи не исключают духовной жизни нации. По Б.Н. Чичерину, не особый народный взгляд на какую-либо проблему считается вкладом в общечеловеческое, а те достижения, в которых конкретный народ смог добиться больших результатов. Не об этом ли говорил Ю.Ф. Самарин? Чичерин считал, что, прежде чем пытаться взглянуть на мировую науку с национальных позиций, русскому народу нужно усвоить себе весь накопленный ею материал. Разве славянофилы спорили с этим? Другое дело, как должен быть усвоен этот материал. Безусловно или с критической оценкой? Начавшаяся полемика была продолжена статьей редактора «Русского вестника» – М.Н. Каткова. В третьем томе «Русского вестника» была опубликована заметка редактора по поводу славянофильского направления «Русской беседы» [7]. В ней отразились схожие с мнением Б.Н. Чичерина мысли о том, что национальная самобытность заключается во всемирно-историческом значении нации и проявляется только при взаимодействии какого-либо народа с другими народами. Обращаясь к позиции «Русской беседы», автор заметки увидел аналогичное мнение о неразрывной связи национального с обще-

человеческим. В этом обнаружилось полное сочувствие идеям славянофилов со стороны «Русского вестника». Но главные постулаты славянофильства, такие, как народность, самобытность, русский дух, по мнению автора заметки, допускают различные толкования. Так, слагаемые народности, которые, казалось бы, выстроены славянофилами в иерархию «народность – национальное – общечеловеческое», могут быть представлены в обратном порядке: из общечеловеческого выделяется национальное. В качестве примера автор заметки привёл статью Ю.Ф. Самарина «Два слова о народности в науке», в которой «“Русская беседа” <...> выразила требование, чтобы в дело, по преимуществу, общечеловеческое, какова наука, было вносимо народное воззрение...» [7, с. 223]. Не упрекая участников «Русской беседы» в непоследовательности, автор поставил задачу прояснить суть славянофильского воззрения на народность. Продолжением этой статьи стала заметка М.Н. Каткова «Вопрос о народности в науке» [6], опубликованная во второй книжке за июнь. В ней он пытался осветить точки зрения Ю.Ф. Самарина и Б.Н. Чичерина. Здесь снова была выражена мысль, схожая с чичеринской: «готовое народное воззрение» – это препятствие к умственной самостоятельности, которая должна быть основана на «потребности чистой истины» [там же, с. 312]. Прежде всего, нужно развивать науку, а не пытаться внести в неё своё оригинальное воззрение. То есть народное воззрение для славянофилов – это умственная самостоятельность, а для западников – оковы для ума. Но здесь чувствуется и примиряющий взгляд критика. М.Н. Катков согласился с Б.Н. Чичериним в том, что «познающая мысль» должна «развиваться по собственным побуждениям, не руководимая никакими предпочтениями и сочувствиями, кроме любви к чистой истине, кроме одного желания знать» [там же, с. 316]. Михаил Никифорович не отрицал и критического отношения к умственному капиталу других народов: «Дело не в том, заимствуем ли мы

что-либо из умственного богатства других народов, а в том, как заимствуем, с мыслью или без мысли» [там же, с. 317]. Вот этой мыслью славянофилы и считали народное воззрение. Они не возводили его в абсолют как высшую истину, а делали средством критического отношения к познаваемому. А по М.Н. Каткову, не обычай должен быть критикой, а внутренняя самостоятельность человека: умственная и нравственная. Но разве народное воззрение заключается в обычаях? И возможна ли самостоятельность человека без национального самосознания, духовного национально-исторического опыта? По мнению редакции, воззрение на науку определяется не народностью. Она может лишь располагать мысль человека к какой-либо области знания, но подчинение мысли определённому исторически сложившемуся взгляду антинаучно. М.Н. Катков допускает, что и славянофилы в сущности думают так же, но из-за нечёткости объяснений вызывают непонимание. Естественно, славянофилы не ратовали за применение в области науки раз и навсегда установленных традиционных взглядов. Народное воззрение – это вообще не система каких-то исторически сложившихся понятий, а осознание своей причастности к духовному наследию России и способность рассматривать объект исследования с позиций духовной природы русского человека. В целом, в статьях М.Н. Каткова чувствуется не противостояние, а желание найти в споре истину.

Проблемы, связанные с применением народного воззрения, были выдвинуты в следующей статье Ю.Ф. Самарина «О народном образовании» [17], в которой он полемизировал с Б.Н. Чичериным и П. Великосельцевым [3] по вопросам о сущности просвещения народа. Это стало второй ступенью в полемике о сути научного взгляда, допускающего или исключаящего народность. Для славянофилов образованность – это «живое явление творческого народного духа» [17, с. 104], а не «вещество», взятое извне. Извне мы берём житейские правила, этикетные

нормы, которые принимаем как данность. Но бессмысленно начинать образование народа с привития ему чужих обычаев.

Разность в понимании народности рождала новые споры между двумя журналами, составляла вновь и вновь возвращаться к разъяснениям точки зрения каждого. Во второй книжке «Русской беседы» за 1856 год К.С. Аксаков опубликовал дополнение к первой статье – «Ещё несколько слов о русском воззрении» [1], в которой говорил о том, что народ станет независимым, только имея своё воззрение, выработанное веками исторического развития. Отсюда следует вывод: «Чтобы понять общечеловеческое, нужно быть собою, надо иметь своё мнение, надо мыслить самому» [там же, с. 142]. Истина постигается народом через призму его народности, не во всей полноте. Но это постижение «делается общим достоянием человечества» [там же, с. 144]. Статья стала дополнением к публикации Ю.Ф. Самарина, которая вновь вызвала возмущение противников.

Спор был продолжен ответным отзывом Б.Н. Чичерина в сентябрьской книжке «Русского вестника» [20], в котором он пытался доказать, что у русских ещё слишком мало научное наследие, ещё недостаточно развита способность самостоятельно мыслить. Это всё станет возможным только при уразумении научного опыта других народов. Самосознание народа, так же как отдельного человека, вырабатывается через общение с другими, а не даётся ему изначально. В этом обнаружилось принципиальное расхождение со славянофилами, которые не считали, что самостоятельность мысли приходит через борьбу противоречий.

На этом полемика надолго прервалась. Представленные вопросы вновь вызвали обсуждение в связи со спорами об исторических работах Б.Н. Чичерина о сельской общине в России, публиковавшихся в «Русском вестнике». В «Русской беседе» появились отзывы оппонента Чичерина – Н.И. Крылова [11], к которому присоединился Ю.Ф. Самарин [16]. В своей статье он главным недостатком работ

Б.Н. Чичерина называл «отрицательность его воззрения», которая происходит «из разобщения нашей мысли с народной средой» [там же, с. 116]. В X и XI томе «Русского вестника» за 1857 год появились ответные статьи Б.Н. Чичерина под названием «Критика г. Крылова и способ исследования «Русской беседы» [18], которые стали ответом на разборы Н.И. Крыловым и Ю.Ф. Самариним его сочинения «Областные учреждения России в XVII веке». Мысли, высказанные ранее редакцией «Русского вестника», здесь повторились в более резкой, едва ли не оскорбительной форме. Б.Н. Чичерин бросил «Русской беседе» обвинение в незнании русской истории, в мистицизме, который они величают народностью. Основанием тому послужило мнение Ю.Ф. Самарина о том, что народность отражают только науки о духовном мире. Здесь же автор указал на противоречия в суждениях славянофилов. Они ставят православие в основание народности, но при этом саму народность считают непроницаемой. Но ведь православие – чистая религия, без примеси народных элементов. Почему же другие народы не смогут познать русскую нацию? Здесь можно привести в пример рассуждения Н.П. Гилярова-Платонова о народности в религии, где богослов говорил о том, что одна и та же вера накладывает разный отпечаток на тот или иной народ, так как связана непосредственно с языком богослужения, отражается во внешней жизни, в быту, в исторической памяти поколений. Каждая вера «полагает себя в каждом историческом организме под особенным углом зрения, свойственным отличительно этой, а не другой народности» [5, с. 164].

Резкие высказывания Б.Н. Чичерина послужили поводом к упрёку М.Н. Каткова в очернении «Русской беседы». О попытке редактора оправдать свою позицию, стремлении к сотрудничеству с «Русской беседой» говорит письмо М.Н. Каткова А.Н. Попову от 7 марта 1857 года, в котором Михаил Никифорович дал объяснение своей позиции в полемике о народности между журналами.

Он с горечью писал о незаслуженности обвинения его в оскорблении «Русской беседы»: «В моих заметках не можете вы не усмотреть желания соглашения, полное доброжелательство и готовность сочувствовать во многом существенном, конечно, при желании, чтобы это сочувственное выразилось явственнее и отделилось от того, что, по моему мнению, более или менее неверно или составляет случайную примесь к делу» [8, с. 558]. В этом же письме проявился взгляд М.Н. Каткова на задачи современной журналистики, которая, независимо от направления, должна будить мысль, «вызывать её на деятельность» [8, с. 558].

В это же время «Русская беседа» встретила поддержку со стороны. В третьем томе за 1857 год была напечатана присланная в редакцию статья Михаила Кривошапкина «Голос из Енисейска по поводу толков о народности в науке» [10]. В ней автор полностью поддержал идеи, высказанные на страницах «Русской беседы», а в выступлениях оппонентов журнала нашёл схожие со славянофильскими мысли, только высказанные по-другому: это и стремление к единству духа, и зависимость развития народа от природных особенностей и национального склада. Следом за этой публикацией вышла статья Н.П. Гилярова-Платонова «Новые объяснения по старому спору: письмо к Издателю» [4], в которой автор, отзываясь на статью С. Яхонтова в «Северной пчеле» [21], разоблачил и взгляды оппонентов из «Русского вестника», обозначив подмену понятий, которая произошла в споре. По его мнению, авторы «Русского вестника» выступали против применения народности к законам природы, а не науки. Но это не одно и то же. В осмыслении наукой законов природы всегда действует субъективное человеческое начало, дух. И каждый народ имеет свой, «ему более привычный и подручный способ представления» [4, с. 301]. По Н.П. Гилярову-Платонову, духовные различия между народами не становятся ограничением общечеловеческого взгляда, а двигают науку вперёд. Отри-

цание народности в науке – это не желание мыслить самостоятельно, а потребность затверженных понятий.

Полемика вскоре сошла на нет. Её вытеснили насущные вопросы современности. С 1858 года на страницах обоих журналов стали появляться политические, экономические статьи, отражающие конкретные вопросы предреформенного времени и отдельные проблемы, связанные с предстоящим освобождением крестьян. Попытка разрешить давние споры не увенчалась успехом. В одной проблеме сошлись разные области применения понятия «народность» и разные смыслы этого понятия. Говорить о том, что необходимо изучать свою историю и культуру, держаться исконных русских традиций и критически подходить к опыту зарубежных стран обе стороны считали само собой разумеющимся. Разногласия возникли в вопросе о том, до каких границ применение национального воззрения может быть обоснованным. Последние статьи М. Кривошапкина и Н.П. Гилярова-Платонова выявили неправильность попыток механически объяснить весь ход истории и достижения мировой науки. Они показали абсурдность возведения логического мышления в абсолют. При этом полемика выявила много общего во взглядах славянофилов и западников. И те, и другие признавали национальную предрасположенность народа к открытиям в области науки, развитие национальных начал без отрыва от общечеловеческих ценностей, обнаруживали существование особого народного взгляда на все области жизни. Разность заключалась в подходе к понятию «народность». Неясность рождали и сами славянофильские публикации, не всегда чётко выражающие главные идеи представителей направления. Если учесть нечастую периодичность «Русской беседы» (4 тома в год), то можно сказать, что благородные и обоснованные стремления славянофилов не нашли поддержки у широкого круга читателей и остались не до конца оценёнными.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков К.С. Ещё несколько слов о русском воззрении // Русская беседа. – 1856. – Т. II, кн. 2. – С. 139 - 147. (Смесь).
2. Аксаков К.С. О русском воззрении // Русская беседа. – 1856. – Т. I. – С. 84 - 86. (Смесь).
3. Великосельцев П. Заметки о связи между улучшенною жизнью, нравственностью и богатством в крестьянском быту // Земледельческая газета. – 1856. – 23 марта (№ 24). С. 93 - 95; 27 марта (№ 25). С. 98 - 99.
4. Гиляров-Платонов Н.П. Новые объяснения по старому спору: письмо к Издателю // Русская Беседа. – 1857. – Т. IV, кн. 8. – С. 171 - 194. (Смесь).
5. Гиляров-Платонов Н.П. О народности в религии // «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...». – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 295 - 320.
6. Катков М.Н. Вопрос о народности в науке // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 2 (июнь). – С. 312 - 319. (Современная летопись).
7. Катков М.Н. Русская Беседа и так называемое славянофильское направление // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 1 (июнь). – С. 212 - 223.
8. Катков М.Н. Собр. соч.: в 6т. – Т.5. Энергия предприимчивости: Экономика. Образование. Письма. – СПб., Ростов, 2012. – 735 с.
9. Катковский вестник: Религиозно-филос. чтения: к 190 - летию со дня рождения М.Н. Каткова. – М.: Прогресс-Плеяда, 2008. – 256 с.
10. Кривошапкин М. Голос из Енисейска по поводу толков о народности в науке // Русская беседа. – 1857. – Т. III, кн. 7. – С. 63 - 80. (Смесь).
11. Крылов Н.И. Критические замечания на сочинение г. Чичерина: Областные учреждения России в XVII в. // Русская беседа. – 1857. – Т. I, кн. 5. – С. 25 - 102. (Критика); Т. II, кн. 6. – С. 89 - 166. (Критика).
12. Перевалова Е.В. Журнал М.Н. Каткова «Русский вестник» в первые годы издания: 1856 - 1862: монография. – М.: МГУП, 2010. – 348 с.
13. Пирожкова Т.Ф. Славянофилы и славянофильская журналистика, 1840 - 1850гг.: Дисс... д-ра филол. наук в форме научного доклада. – М., 2000. – 83 с.
14. Русская беседа: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под. ред. Б.Ф. Егорова, А.М. Пентковского и О.Л. Фетисенко. – СПб.: Пушкинский дом, 2011. – 568 с.
15. Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Русская беседа. – 1856. – Т. I. – С. 35 - 47. (Науки).

16. Самарин Ю.Ф. Несколько слов по поводу исторических трудов г. Чичерина // Русская беседа. – 1857. Т. I, кн. 5. – С. 103 - 118. (Критика).
17. Самарин Ю.Ф. О народном образовании // Русская беседа. – 1856. – Т. II, кн. 2. – С. 85 - 106. (Смесь).
18. Чичерин Б.Н. Критика г. Крылова и способ исследования «Русской Беседы» // Русский Вестник. – 1857. – Т. X. – С. 727 - 768.; Т. XI. – С. 174 - 206.
19. Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский вестник. – 1856. – Т. III, кн. 1(май). – С. 62 - 71. (Современная летопись).
20. Чичерин Б.Н. О народности в науке // Русский Вестник. – 1856. – Т. V, кн. 1(сентябрь). – С. 8 - 27. (Современная летопись).
21. Яхонтов С. Исследование вопроса о народности в науке и государственной жизни // Северная пчела. – 1857. – 31 окт. – (№ 239). – С. 1132 -1134.